

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 1 (41)

1 января 1945 года

№ 1 (41)

С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

В. КАЧЕВ

И НОВЫМ ГОДОМ!

РСТВ...
ЛЮ...
ОТ...
М...
- 929

ОТДЕЛСТВА

7050 3 2408

От себя и от казаков Главного Управления Казачьих войск сердечно поздравляю всех казаков и казачек, как по эту, так и по ту сторону фронта с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом.

Желаю вам, казаки, победы над большевизмом, полного и навеки сокрушения коммунизма и возвращения в родные войска победителями и полноправными хозяевами предками вашими многими веками борьбы и обильной кровью орошенной искони вашей казачьей земли.

Г. Берлин, 25-го декабря 1944-го года.

Генерал от кавалерии КРАСНОВ.

Слава в вышних Богу и на земле мир в человеках благоволение

По описанию евангелиста Луки, в святую ночь, когда в пустыне, в пастушеских яслях, родился Спаситель мира Христос, «многочисленное воинство небесное», внезапно явившееся пастухам, сохранившим ночную стражу у своего стада, славилло Бога и взывало: «Слава в вышних Богу, — и на земле мир, — в человеках благоволение».

С тех пор, на протяжении почти двадцати веков ежедневно и многократно в церквях и дома, у святых икон, верующие повторяют эти слова воинства небесного. Слова воинов, приветствующих мир на земле и благоволение, то есть — счастье у людей.

Шестой год по всему миру — небывало жестокая война. Шестой год с тяжким гулом взрываются бомбы и, как карточные домики, рушатся жилища людей, стоявшие сотни лет. Шестой год реют в воздухе самолеты и ищут, где поразить женщин, детей, больных, раненых... Шестой год с остервенением, под грохот и скрежет танков, ватага за ватагой встают людские ряды и идут крушить тех, кто стал за мир, за людское невинное счастье, за то, чтобы было у людей благоволение.

И... скажут... Слабые волей, малодушные, обесилевшие, потерявшие веру в Бога, а с нею веру в победу, скажут: — Нет, какая уже тут слава в вышних Богу, когда столько лет нет мира на земле и ушла с лица обесилевших бледных людей последняя улыбка счастья.

Стала между людей страшная «несоветимая ложь»; такая, какую не просветишь никаким светом; такая, что, когда говорят ей правду, наглым голосом кричит она: «неправда!»... И не может быть под нею ни мира на земле, ни благоволения в человеках.

Она пришла к нам от жидов, этого извечного лжеца, сына дьявола, покорителя теперешнего мира.

С ложью пришла — зависть. С завистью пришла ненависть... И пришел с ними казачий развал, недоверие, поиски новых путей, боязнь что-то продешевить, что-то потерять... Закрался лукавый яд сомнения. Трепет за будущее. Тоска неверия.

И пока не одолеем, пока не поборем в себе все эти пороки, пока не станем по прежнему дружно все заедино, в одном устремлении в единственной теперь и самой нужной и важной цели: победе — не будет ни мира, ни счастья у людей.

В рождественские дни шестого года войны не горят разноцветными огнями по городкам и селам

немецким на площадях нарядные елки, как горели они в довоенное время... Нельзя!.. Затемнение!.. Увидят!.. Налетят жидовско-американские аэропланы, забросают детей, ведущих хоромы вокруг елок, бомбами, расстреляют шрапнелями, поразят пулеметным огнем.

Нет елок!..

Тихо в домах. В каждом в святом углу, на почетном месте висит портрет, фотография, окруженная еловыми ветками, затянута черным, траурным крепом. Железный крест, отличие героя, прикреплен под нею... Память об убитом... Память об убитых... замученных... Погибших страшной смертью.

Разве не слышим о тех-же ужасах у казаков, с 1917 года ставших на войну с большевизмом?... В письмах... В рассказах... В сведениях «опросных листов»:

...«Папу убили... маму замучили... старший брат в Соловках на каторге, и жив-ли, нет-ли, кто знает? Сестренка без вести пропала»...

...«Отец еще тогда, когда Дон стоял, убит на Воронежском фронте... Нас раскулачили... Мать и сестра умерли тогда, когда первый голод был... Меня забрали... Служил в красной армии, скрывал, что я казак... Как подошли немцы — ушел к ним...»

Кажется — столько горя, столько мук, тоски, страданий испито казаками, что ничто не должно было-бы сокрушить их веры в Бога, в правильность избранного ими пути бороться до полной окончательной победы, кажется, что тут уже никакая пускай даже и «несоветимая ложь» не должна поколебать казаков.

Под напором лживых обещаний, ничего нестоющих посулов — колеблются слабые, усталые души. Ложь манит и чарует. И шатается великое наше казачье единство, когда были мы «все за одного — один за всех».

Донец завидует Кубанцу. Кубанец косится на Донца — не забрал-бы себе чего-нибудь лишнего. Оба оглядываются на Терца, на Ставропольца, на иногороднего...

А тут — идет жесточайшая война. Большевизм, наш общий враг, подкрепленный жидовским капиталом, напрягает последние силы, чтобы свалить тех, кто шестой год мужественно борется за право жизни... В эту то минуту и усилил враг свое смрадное дыхание лжи, чтобы вселить сомнения.

Не забыты-ли мы?... Не оставили-ли нас?... Не

обижают ли нас понапрасну? Не оставили бы нас, когда пойдут на восток? Не стали бы делить без нас наши казачьи земли, а нас оставят на веки на Балканах, да в альпийских горах... Не нужно нам вашей Европы — чужая она нам. Подавай нам родные курени в Донских степях; верни нам дорогие аулы в предгорьях Кавказа. Нусти нас опять на Волгу, на Урал...

«Несосветимая» ложь шепчет: «идите к батюшке Сталину»... Зазывает, как на жидовском рынке: «к нам пожалуйте... У нас покупали». Бандиты разбрасывают листовки, прокламации. Клеветают... лгут... Кричат о своей силе, о своем благополучии и богатстве... О своих победах... Мелкие души поднимают честолюбивые головы. Кругом жалкий пример человеческой подлости: Италия... Финляндия... Болгария... Румыния... Сербия... Греция...

Там непередаваемый ужас. Там смрад большевистских казней и немой холод голодных смертей.

Работает Ложь... По запретному радио... По слухам и слушкам... По тому ядовитому:

— Вы слышали?..

— Говорят...

— А, знаете?..

— Не верьте. Все это неправда... Там-же ведь американский капитал... Накормит и устроит...

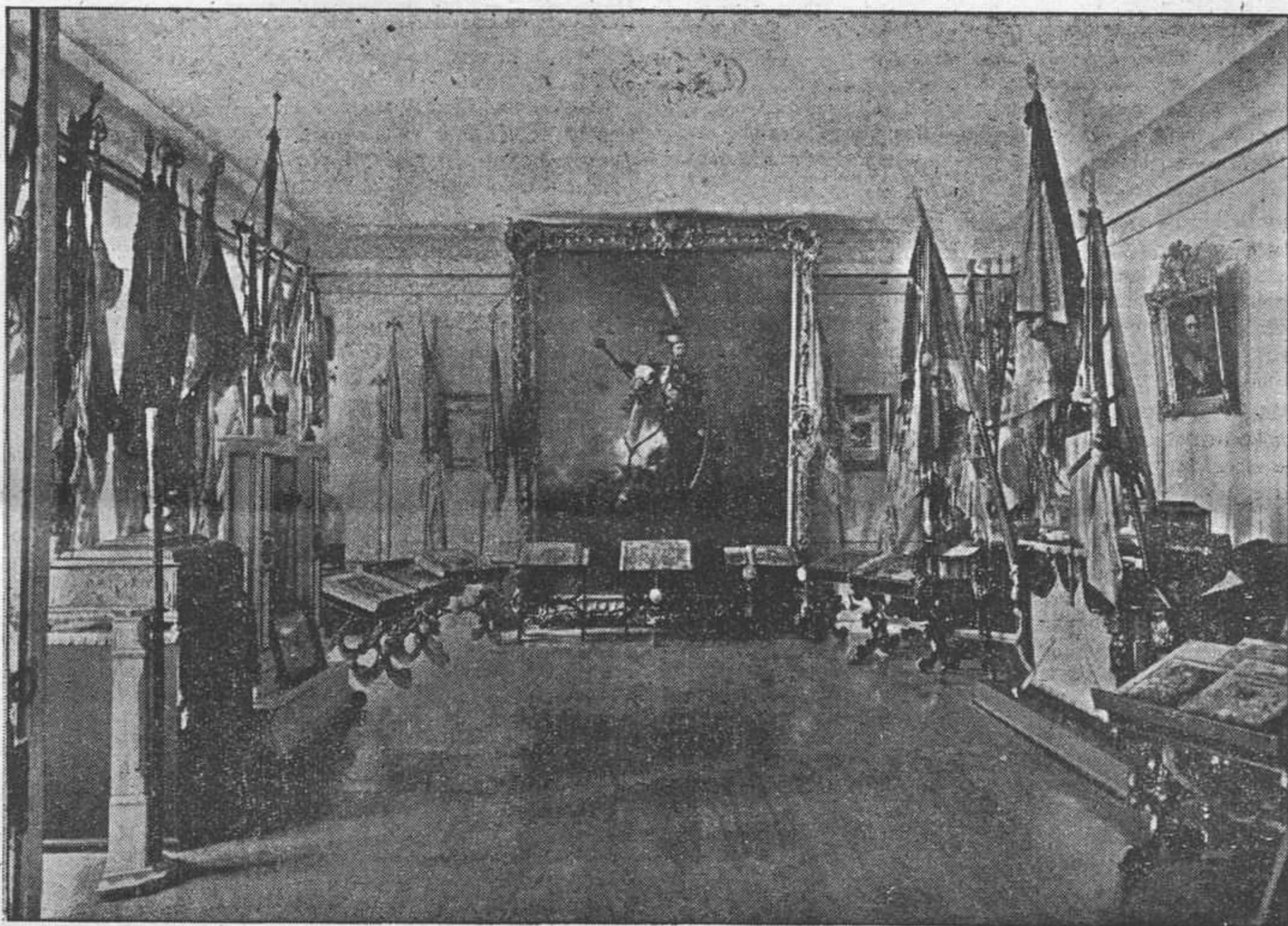
Английские джентльмены. И... батюшка Сталин!.. Победитель! Он совсем другой стал. Он переродился. Как Кудеяр-атаман в стихотворении-песне Некрасова он стал «Богу и людям служить»...

Нет «славы в вышних Богу»... Так ли? Ой так ли?... Не нуждается Господь в нашей низкой людской славе. Ему поют славу в небе воины небесные... Но нам нет мира на земле и нет счастья в наших сердцах даже и в этот великий день...

И не будет!.. Не будет, до тех пор, пока все... все... ВСЕ — не станем заедино, не считаясь с тем, какого ты войска, да какой эмиграции, да где ты был, да что делал тогда, когда я без портков ходил да за мамашину юбку держался.

В эти святые дни памяти полного прелестных чудес Рождения Спасителя мира, в эту чудесную, благоуханную ночь, когда родился «Отроча младо — предвечный Бог», я, старый казак, последний раз призываю вас, казаки, — уйти из мрака несосветимой лжи в свет Божией правды. Где она?.. Она в дружном устремлении в святую борьбу с большевизмом и какой угодно ценой достижения общей победы!..

Вот, когда достигнем ее, тогда мы сами не заметим того, как с уст наших польется святая песня воинства небесного: «Слава в вышних Богу»!.. Тогда вдруг обретем мы долгожданный мир; воз-

Одна из зал Донского Музея в Новочеркасске. В 1920 году музей был эвакуирован за границу и сохраняется ныне в надежном месте до того счастливого дня, когда казаки вернутся на свободный Дон.

врат в родные края и там полной чашей напьемся того, что называется «в человеках благоволение».

Не повторим ошибок жутких времен 1917—1920 годов, когда, не усмотрев несветимой лжи, прогнали Россию, раскололи казачьи войска и... погибли...

Погибли, чтобы воскреснуть... В нашей это воле и в нашей власти. Будем едины и не легковёрны...
25 декабря 1944 г.

Петр Краснов,
казак Каргинской станицы
Всеволодского Войска Донского

ДОН НОВЫЙ ГОД

Е. ТАРУССКИЙ
(РАССКАЗ)

«Казак станицы Александровской Митрофан Староверов разыскивает сына Потапа...»

Митрофан Петрович старательно разгладил вырезку из газеты, перечитал ее, грустно вздохнул, сложил и положил в бумажник.

Сколько раз давал он объявления, писал станичникам, и — никакого отклика, никаких следов.

— Пропал, видно, Потап...

Как странно думать Митрофану Петровичу, что его малыш, его четырехлетний Потапушка, превратился теперь в настоящего казака Потапа.

— Не узнаю, поди, — подумал он — и сколько же ему теперь годков будет? — Он нахмурился и начал вычислять: в девятнадцатом — ему четыре было, значит нынче, нынче... из сорока четырех — семнадцать... двадцать семь, да плюс четыре... Бог мой — уже тридцать один! Ну, и Потап! Я в эти годы уже хорунжим был... А похожи на меня Потапушка? Или в мать, в покойницу?

Митрофан Петрович вынул из бумажника фотографию малюсенького казаченка в огромной папахе и с отцовской пашкой в руке. Курносая рожица счастливо улыбалась.

— Эх, Потапушка, Потапушка — увижу ли я тебя, когда? Приведет-ли Бог?..

...Во французском кабаке было накурено, жарко и шумно. Посетители, большею частью рабочие, пили красное вино, кричали и спорили. Хозяин кабака, толстый француз в берете и зеленом фартухе, не умолкая, болтал со стоящими у стойки, опоражнивая в большие стаканы бутылку за бутылкой.

Староверов сидел в углу за столиком, поджидая, как это он делал изо дня в день, своего старого друга Сычкова. Оба они уже много лет работали в этом французском городке на заводе.

Староверов мог выпить много и не пьянел. Но вино всегда оказывало на него одно и то же действие — он начинал вспоминать свою прошедшую жизнь. Под винными парами воспоминания эти были особенно ярки и выпуклы и начинались всегда с того трагического дня эвакуации Новороссийска, когда он, при погрузке его полка и беженцев на пароход, потерял Потапушку. Жена за месяц до

эвакуации скончалась от тифа. Потапушку несла на руках сестра Митрофана Петровича. Наблюдая за погрузкой казаков, он видел сестру в толпе, ожидающей у трапа. Едва транспорт снялся с якоря и вышел в море, Митрофан Петрович бросился по трюмам искать сына и сестру и — не нашел. Беженцы сказали ему, что не все успели погрузиться — большая часть вообще осталась на молу.

Староверов затосковал смертельно. Угрюмо молчал он всю дорогу. Винил себя, что не взял от сестры малыша. Да как было отлучиться? Ведь он должен был грузить свою сотню, пулеметы, казенное имущество... Эх-ма!..

В Крыму полк переформировался и выступил на новый фронт. Начались горячие бои. Добровольцы и донцы вышли из Крыма на просторы Таврии. Были успехи, были победы. Казаки мечтали о скором возвращении на Дон. Там надеялся Митрофан Петрович найти Потапушку и сестру. Не может быть, чтобы сестра не спасла мальчонку. Была она девушкой смекалистой, смелой, в опасностях не терялась. Хорошая казачка! Наверное сумела вернуться в родную станицу...

Но победы сменились поражениями — красных было много. Добровольцев и казаков — наперечет. Пришлось оставить Таврию и Приазовье, в тяжелых боях отступить обратно в Крым. Шли на рысях к портам, тянулись по дорогам бесконечные вереницы беженцев, арриергарды вели отчаянные бои, прикрывая погрузку. И на всю жизнь запомнил Митрофан Петрович, как горестно заржал его Чалый, оставленный им без седла на молу. Сычков тогда застрелил своего коня, а Староверов не смог. Вставил было в ухо Чалому пистолет, но курка не нажал, сильно забило казачье сердце, обнял он конскую морду и поцеловал в прохладный хряп. И не смог тогда сдержать слез казак...

В Стамбуле вновь страшная схватила Староверова тоска и по Дону, и по сыну, и по сестре, и по Чалому. А впереди была неизвестность на чужбине. И непривычная работа на заводах-ли, в шахтах. Не казачье это дело! А тут французские вербовщики закрутились промеж казаков. Предлагали военную службу в Африке, в Иностранном легионе. Кони там, в полку, как говорили вербовщики, — замечательные, арабские, и служба на казачью службу

похожа. Знали вербовщики, чем взять казаков! Записалось не мало, а с ними и Староверов с Сычковым.

Первое время на все дивились казаки в Африке. Все было ново и странно — и сыпучие пески и синее Средиземное море, пальмы и разные кактусы. Особенно поразительно было видеть, как лимоны на деревьях растут, почти сладкие были эти африканские лимоны. Смелись казаки, что женщины арабские лица себе вуалями

Так и оказались они в этом французском городке.

А из дома никаких хороших вестей. Даже — напротив. По газетам видно было, что большевики изводят все казачество террором и ссылками. И донское и кубанское и терское, да и другие верно тоже.

Шли годы, старелись казаки. Все призрачнее становилась надежда вернуться домой, в родную станицу, увидеть и обнять оставленных родителей, жен и детей. А мо-

закрывают может быть — рожи у них такие были, что показать непристойно?

Первое время все занимало и развлекало, а потом тоска по Тихому Дону началась. Да, какая тоска!.. Только сами казаки про то знают. Ну, что все эти кактусы, диковинные цветы и лимоны стоят. То ли дело донские бахчи с арбузами и дынями! И вино донское не сравнить даже с алжирским. Нет, далеко этой самой Африке до Тихого Дона!..

Мало-по-малу для казаков и жизнь боевая началась. Тяжелая была жизнь. Стояли по постам, в пустыне. Кругом — непокорные арабы. Джигиты, впрочем, замечательные, надо и им справедливость отдать. Так в кровавых стычках и схватках и прошло пять лет. Два раза был Староверов ранен, боевые французские медали и кресты заслужил. Через пять лет окончился контракт. Сам полковник французский Митрофана Петровича и Сычкова остаться еще на 5 лет уговаривал. Не согласились казаки. Война — чужая. Что им до арабов этих самых? Вольный народ, джигиты хорошие, чего их бить? Отказались. Решили во Францию ехать — там мирной жизнью пожить. Слышали они, что во Франции казачьи станицы образовались. Держатся станичники друг за друга. Вместе радость, вместе горе. Блюдут старые отцовские обычаи и заветы.

жет и Потапа давно извели проклятые изуверы, или сослали в Сибирь на медленную смерть... или в Красную армию забрали и погиб бесславно казак?..

Подшел год тридцать девятый. В сентябре началась война, большевики от нее в стороне оказались. Только летом сорок первого года началось то, о чем так долго мечтали Староверов и Сычков — германские армии стали бить большевиков, дошли уже до Дона, до самого Кавказа. Казаки восставали в тылу у красных, переходили к немцам, повели вооруженную борьбу с проклятыми большевистскими палачами...

Хотели Староверов и Сычков в те казачьи полки поступить, но такого приказа, чтобы казакам из Франции на восточный фронт ехать все не выходило. Староверов в газеты объявления посылал о розыске сына, но ответа не приходило. Погиб, погиб наверное Потапушка. А был бы славный казак!

Митрофан Петрович так задумался, что не заметил, как вошел Сычков. Хлопнул его по плечу старый приятель: — А ну-ка, спроси-ка вина, да получше, весть добрую тебе принес.

Лицо Сычкова было торжественно и серьезно. Он налил в стаканы темное и густое бордосское вино, чокнулся и сказал:

— В поход, Митрофан! И нас с тобою вспомнили!

— Да ну? — встрепнулся Староверов.

— Выходит так. На, смотри сам — и он подал другу парижскую газету.

Староверов читал и слезы радости текли у него по щекам. Предлагалось казакам во Франции сообщить о своем желании поступать в казачьи части.

— Дождались, слава те Господи! — сказал Староверов и, не обращая внимания на удивленные взгляды французов, крепко обнял и поцеловал в мокрые усы Сычкова.

★

Полк, в который прибыли Сычков и Староверов на Балканы уже несколько месяцев действовал против бандитов Тито. Был конец декабря, приближался Новый Год. Сразу же по прибытии, оба казаки попали в горячее дело. Сильная группа бандитов окружила отряд казаков и все попытки последних вырваться из окружения были тщетны. Казаки решили биться до последнего патрона, до последнего живого казака. Был убит есаул, тяжело ранен сотник и Митрофан Петрович, вспомнив свой старый офицерский чин, принял командование. Было ясно ему, что, ежели не подоспеет во время помощь, весь отряд будет уничтожен.

Еще три дня держался Староверов. Под вечер третьего дня его тяжело ранило в ногу и руку. Он позвал Сычкова и передал ему команду. Фельдшер перевязал его раны, он лежал под деревом, держа пистолет в здоровой руке... только бы не попасть живым в большевистские лапы! В случае гибели отряда решил Староверов застрелиться.

— Потап, Потап, где ты сынок?...

Чуткое ухо боевого казака ловило все шумы боя, по ним определял старый хорунжий ход боевых действий.

Вдруг он встрепнулся. Сильная пальба раздалась в тылу у бандитов. Сычков подбежал к нему радостно возбужденный.

— Подмога! Наши ударили в тыл бандитам! Казаки и немцы!

Уже вечерело, когда бандиты сами оказались в окружении. В сумерке угасающего дня над Митрофаном Петровичем склонились две фигуры: германский оберлейтенант и молодой казачий полковник.

— Поздравляю вас с победой! — сказал ему по русски германский офицер.

— И с Новым Годом! — прибавил радостно казачий полковник. — Вы его начали не плохо... Ведь от какой банды отбивались!..

— С такими казаками о сдаче думать не приходится, — с гордостью ответил Староверов. — Какими были в девятнадцатом году, такими и остались. И дети — в отцов.

— А вы из тех, что только что из Франции прибыли? — спросил германский офицер.

— Так точно. Сычков и я, хорунжий Староверов.

Молодой полковник вдруг быстро опустился на колени и нагнулся к лицу Митрофана Петровича.

— Вы — Староверов? — в глубоком волнении спросил он: — станицы Александровской? Уж не Митрофан Петрович, будете?

Волнение молодого полковника передалось старому хорунжему. Не замечая боли в раненой руке, он приподнялся на локте и пристально смотрел на полковника.

— Да... я — Митрофан Петрович... А вы?

— Я — Потап Митрофанович — прошептал полковник и вдруг радостно вскрикнул: Батюшка!.. Так ведь я же сын твой — Потап!

★

Старый хорунжий лежал в лазарете в просторной и светлой палате. Снег сверкал серебром за окном в саду под лучами январского полуденного солнца. Митрофан

Петрович ждал сына. И когда вошел в палату и стал быстро приближаться к койке молодой, стройный полковник с волнистыми черными густыми волосами на голове, красивый и румяный, Митрофан Петрович, счастливо улыбаясь, протянул к нему здоровую левую руку.

И еще и еще раз никак не мог он поверить, что этот большой сильной мужчина и есть тот самый маленький казаченок Потапушка, что в самый черный день его жизни, затерялся тогда в толпе беженцев, на Поворосийском молу...

В праздник Рождества Христова

Отрывок из романа «Вольная Кубань».

В три часа ночи раздался благовест большого колокола старой Рождественской церкви, возвещая всем о рождении Христа. На противоположном конце станицы в других двух стоящих там церквях последовал ответный звон. Звуки, исходившие от ударов меди, чудесно разливались в ночной тишине станицы, призывая верующих к ранней торжественной заутрене.

Во всех домах люди проснулись и зашевелились.

Тарас Охримович с дочками стал собираться к заутрене. Даша и ее золовка Наталка также поднялись и затопили печь, зная, что сегодня из церкви возвращаются на рассвете и к этому времени уже надо приготовить горячий обед.

В это время около ворот вдруг залаяли собаки, раздался топот бежавших подростков и затем под окном звонко послышалось:

— Пустите рождествовать!

— Батя, батя! Рождествовальники пришли, можно впускать в хату? — торопливо обращаясь к свекру, спросила Даша.

— Открывай, пусть идут; раз в церкви уже зазвонили, значит пора, — поправляя фитиль горевшей всю ночь лампы, ответил Тарас Охримович.

Четыре мальчика в возрасте девяти-двенадцати лет вошли в комнату, сняли свои бараньи шапки, поставили в углу комнаты, у дверей, большие палки, служившие защитой от собак, и стали в ряд перед образами, где горела лампада. Один из них, выдвинувшись чуть вперед, начал декламировать вступление, неизвестно кем и когда составленное:

«Торжествуйте, веселитесь
Люди добрые со мной.
Все в восторге отзовитесь
Близко к радости моей.

Ведь Иисус родился ночью,
Не в порфире, не в короне,
Не в одежде золотой
И не так, как царь земной.

Звезда ясная сияла,
Трем волхвам путь показала,
Три волхва приходили,
Три дара приносили,
На колени припадали,
Иисуса величали.

Когда Иисус родился,
Тогда Ирод возмутился,
Он послов послал в стране
Младенцев избивать.

Я рано встал,
Взглянул на восток,
Три ангела слетели
И запели:»

И после этого христославы, начав в один голос, восторженно запели тропарь праздника: Рождество Твое, Христе Боже наш, воссия миру Свет Разума...»

Юные, не совсем стройные голоса, возвещая о рождении Бого-Человека, глубоко проникали в душу каждого истинно верующего христианина. Все в доме проснулись и безмолвно слушали, как дети, словно «слетевшие ангелы», славословили рожденного в яслях Младенца. Христославы закончили песнопения концом кондака праздника: «...Нас бо ради родился, Отроча Младо предвечный

Бог». После этого, повернувшись к хозяевам, они хором залепетали: «Здравствуйте, поздравляем с праздником Рождества Христова».

— Здравствуйте, здравствуйте, мои анголята, молодцы ребята, — раздавая христославам пряники и конфеты, в ответ на приветствие говорил Тарас Охримович.

— А который из вас рассказывал? — спросил он у ребят.

— Я! — и десятилетний шустрый мальчуган вышел вперед.

— Молодец, молодец. Чей ты?

— Крамаря Тимохи сын, знаете? А зовут меня Алеша! — бойко отвечал рассказчик.

— А, Тимохи Платоновича сын, знаю, знаю! Ну за то, что хорошо рассказал, на тебе одному, — и Тарас Охримович сунул ему в руку двухкопеечный медяк.

Пока христославы пели и затем пока их дарили, Федька успел за это время одеться и тоже присоединиться к своим сверстникам.

Долго не задерживаясь, ребята выбежали за ворота и направились по всем ближайшим домам, стараясь не пропустить никого.

В одном доме они вопли, к удивлению, не заметив никого в комнате, остановились в нерешительности. Им показалось подозрительным то, что лампадка не горела и в комнате не видно ни души. В это время, случайно залезший под кровать маленький теленок, вдруг жалобно замычал и задвигался, стараясь оттуда выкарабкаться.

— Ведьма, ведьма! — крикнул один из мальчуганов и все, очнувшись, бросились назад из комнаты, падая у порога и кувыркаясь один через другого. Стремглав проскочили они в ворота и затем долго продолжали бежать по улице, все время оглядываясь, не гонится ли за ними «ведьма».

Возвращавшийся со двора в комнату хозяин этого дома никак не мог понять причины стремительного бегства из его дома христославов.

Немного успокоившись, ребята остановились среди улицы, около одного большого дома, у которого из-за вершин высоких тополей из трубы валил густой черный дым. Федька, пристально всматриваясь в эти клубы дыма, вдруг отскочил в сторону и громко закричал, показывая рукой на крышу дома.

— Смотрите, смотрите, ведьма с лопатой сидит на трубе! — Остальным показалось то же самое и они, сорвавшись, по-заячьему пустились в противоположный конец улицы.

Если им приходилось заметить случайно пробегающую по улице или даже во дворе обыкновенную домашнюю кошку, то по их мнению это безусловно была «ведьма» и они, как угорелые, бежали прочь. Другие партии христославов, встречавшиеся с ними, рассказывали самые невероятные происшествия в эту ночь. Детское воображение прибавляло к случившемуся много своего и впоследствии не было конца самым невероятным рассказам.

*

Ярко освещенная церковь была полна народом. На всех ярко блестящих люстрах и у икон горели толстые восковые свечи. Не только перед алтарем, но и у боковых входов, на стенах и дверях, везде были новые матерчатые и цветные украшения. Сосредоточенные лица молящихся с благоговением внимали церковным песнопениям и службе.

Приська и Гашка вошли в переднюю часть храма и остановились, а Тарас Охримович старался пройти в пра-

вый придел храма, поближе к клиросу, где он стоял, но пробраться туда в это время не оказалось возможным. Едва он приблизился к середине храма, как хор запел:

«Днесь Христос в Вифлееме рождается от Девы и слава воплощается. Силы Небесные радуются и земля веселится...»

Во время этого песнопения, царские врата растворились, все священнослужители вышли на середину церкви и начали служить «навечерие» перед заутреней. Тарас Охримович так и остался стоять посреди церкви, не добравшись до своего излюбленного места.

«Христос рождается славите... пойте Господи вся земля...», — пел сегодня хор и казалось пела и славилась вся земля родившегося Бога-Человека... «И на земле мир, в человецех благоволение», — слышалось под сводами храма и это ангельское песнопение, прозвучавшее в небесах девятнадцать столетий тому назад, вполне соответствовало действительно мирной и благодатной жизни на всей земле в том счастливом году.

*

Сегодня, в первый день праздника Рождества, ранняя обедня закончилась на рассвете и из церкви возвратились домой еще при свете лампы.

Никифор по обыкновению управлялся со скотом и, расщедрившись, задал сегодня лошадям порцию дерти и ячменя, коровам принес мешок с початками кукурузы, даже курам и гусям вместо ячменя насыпал чистой пшеницы и в большем количестве, чем в обыкновенные будничные дни. «Пусть и животные и птицы чувствуют праздник!» — думал добродушный хозяин.

Когда все собрались в комнату, то прежде чем начать разговляться, все стали перед образами и кратко помолились, затем вошли в зал и уселись за праздничный стол.

Тарас Охримович налил всем взрослым по рюмке водки, а малышам и девкам по стакану сладкого вина и произнес:

— Царство небесное пошли, Господи, всем помершим, а вас всех, дорогая семья, поздравляю с великим праздником Рождества Христова. Слава и благодарение Богу, что нам удалось дожить до этого радостного дня!..

Все выпили и приступили к разрешенным с нынешнего дня скоромным блюдам. Несмотря на ранний обед, все с аппетитом ели и мясные и молочные приготовления, так как от шестинедельного воздержания прошедшего поста все же соскучились по такой пище.

После обеда старики легли отдыхать, детвора выбежала во двор играть, а сыновья Тараса Охримовича со своими женами стали собираться в гости.

В это время к ним в комнату вошли три мальчика в возрасте 13—14 лет. В руках у среднего была приподнятая на деревянной ручке большая «звезда» с изображением внутри ее лежащего в яслях Младенца и его Матери. Такого возраста христославы, чаще из иногородних, ходили по домам станицы не ночью, как казацкие подростки, а днем, однако все они также восторженно встречались в домах станичников.

Став перед образами, один из них, который держал звезду, начал декламировать:

«В небе звездочка блеснула,
Через нее узнали мы,
Что Христос родился в яслях,
Не гнушаясь нищеты.»

Редакция обращается с просьбой ко всем лицам, у которых сохранились экз. «НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ» от № 1 по № 14 включительно, не отказать в присылке таковых по адресу:

Schriftleitung «KOSAKENPOSTEN» F. P. № 02306

Если эти указали,
Что искать должны все мы
Не богатства и не славы,
Не мирские суеты.

Если эти указали,
Что пред Богом все равны,
Все должны служить друг другу,
Чтоб быть Божьими детьми.

И молю я Всеблагого
Дать нам честь любви святой,
Чтоб завет Господня слова
Был бы с нашей семьей.»

После этого вступления дети стройно запели: «Рождество твое Христе Боже наш...»

Эти христославы были хорошо подготовлены к исполнению рождественских песнопений. После тропаря празднику, перед началом кондака (Дева днесь пресущественного рождает), они пропели еще два ирмоса из канона праздника: «Христос рождается славите» и последний «Таинство странное вижу и преславное...»

Всем очень понравилось стройное пение дневных христославов и их щедро вознаградили.

Над слегка одетой в белый снежный саван большой привольной станицей торжественным переливом звучал немолкаемый трезвон колоколов во всех трех церквях.

По широким ровным улицам, во всех направлениях на легких санях и пешком двигались многочисленные пары казаков и казачек к родственникам в гости.

Во многих домах сквозь окна с раскрытыми ставнями виднелись богато убранные столы с различными яствами и графинами с горилкой, возле которых веселились станичники и их шумный говор и песни слышались и на улице.

Рождественскую елку у казаков почти никто не устраивал. Бывали случаи, когда елку устанавливали только у очень богатых хлебобобов, а также у местных купцов, учителей и духовенства. По этим же знатым домам сегодня ходил церковный хор в полном составе, своими песнопениями, поздравляя хозяев с праздником.

Только «на голодную кутью», перед самым Крещением, временно затихало веселье всего люда, не прекращавшееся с первого дня Рождества...

Федор Печорин.

В серии «Казачья Библиотека» в ближайшее время выходит книга:

Мих. Бойков — «ГОРНЫЕ БРАТЯ».

Казачья старина

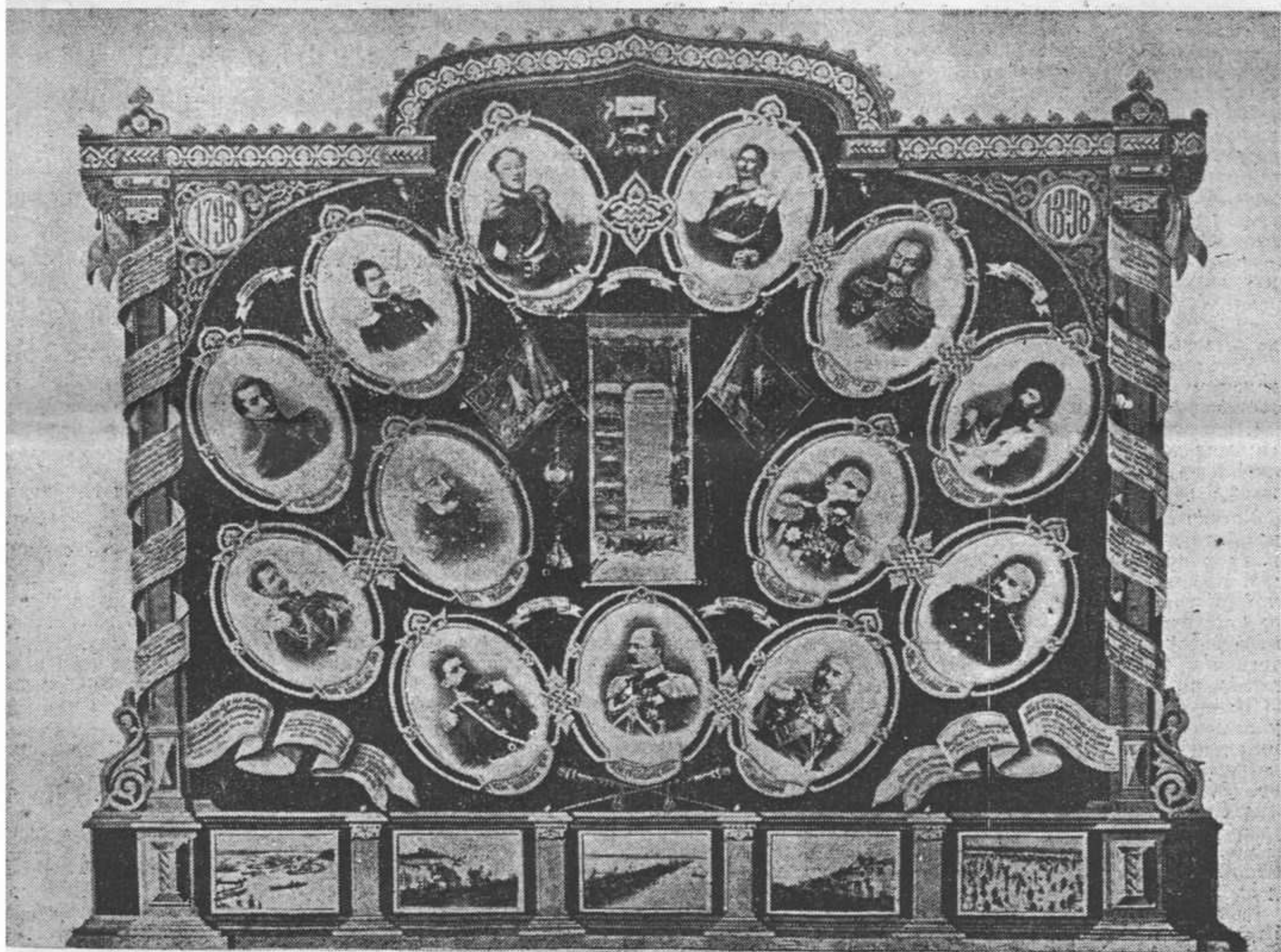
Цепи Степана Разина в Старочеркасском соборе.

Слева:

Один из типичных станичных атаманов конца прошлого столетия — это не председатель «стансовета» в пиджачишке...

Внизу:

Атаманы Уральского казачьего войска — 1798-1898 — виньетка с портретами Войсковых Наказных Атаманов, в художественном оформлении.

Гурда

Рассказ казачьего офицера.

Генералу Петру Николаевичу Краснову —
казаку, писателю, человеку. Автор.

Нельзя сказать, чтобы я был особенно страстным охотником — нет — охотничье ружье для меня скорее — некая матерьяльная причина, висящая на стене. Когда мой взгляд падает на ружье, я думаю, что имею всегда под руками возможность, закинув эту штуку, извергающую пламя и грохот, за спину, отправиться по степям и лугам Донщины, на охоту. Собственно, что такое охота?

Я еще не встречал научного понятия этого слова. Для какого-нибудь тунгуса или адыгейца из Уссурийской тайги это основная его профессия, средство существования; для казаков наших станиц — большое пособие в их хозяйстве, заячья, лисья, волчья шкуры, или лапша из дикой утки, право же не плохое средство спить хорошую шапку, шубу или иметь вкусное блюдо на обед для профессора, чиновника, или нашего брата офицера, а также прекрасное средство предотвратить гемморой, подышать свежим воздухом, полазить по трупам, выкурить в кустах папиросу, просто подышать свежим воздухом и явившись домой, со звериным аппетитом съест две тарелки борща без передышки, тарелку хлеба и двойную порцию второго, а ночью спать здоровым крепким сном без сновидений.

Если исходить из приведенной характеристики охотников, то я принадлежу к последней группе. Для меня не так важно: убью ли я пять уток, или ничего не убью.

Такое несколько длинное предисловие нужно было мне для того, чтобы читатель в дальнейшем понял, почему я зашел в магазин оружейных вещей Андреева в Новочеркасске.

Я заказал хозяину магазина выписать мне хорошее охотничье ружье из Тульского Императорского оружейного завода. Хозяин изъявил желание. Прошло достаточно времени, чтобы, по моим расчетам, ружье могло прийти.

Хозяин, тонкий дипломат в торговом деле, встретил меня с улыбкой, сетовал почему я давно не заходил, но сказал, что ружье, к сожалению, еще не получено. И тут же успокоительно заметил.

— Придется немножечко подождать, — Тульский оружейный завод — мой старый поставщик. Ружье на днях обязательно должно прийти.

Я уже сказал, что в охоте я дилетант. Охота меня интересовала, больше как компанейское занятие: свежий воздух, зеленая трава, чудесные виды природы, выпивка с холодной закуской на походном ковре, возможность после выпивки хорошо поспать на свежем воздухе и обязательное при этом охотничье вранье, составляющее соль всякой охотничьей пирушки.

Помните, конечно, «Охотнике на привале» Перова? Охотник, не умеющий врать — это даже скучно.

Итак я поругал хозяина.

— Вечно, когда вам поручили какой-нибудь заказ, вы никогда во время не выполняете...

Хозяин все также с улыбкой, не изменяя спокойного вида и желая загладить свой промах, предложил купить поддержанное ружье, а с ним обязательно и шапку.

Я хотя и был казачьим офицером, но в холодном оружии смыслил мало и, повидимому, больше по казачьей традиции, любил острую шапку в красивой кавказской оправе. В ружьях я кое что все же понимал.

Хозяин вынул из шкафа двухствольное, центральное ружье и вместе с ним подал скромненькую шапку в черных кавказских ножнах.

Я стал внимательно рассматривать и то и другое и нашел, что ружье принадлежало одному из офицеров, как награда за отличную стрельбу. Клинок шашки мне тоже понравился, хоть внешне он и не выглядел эффектно: на нем не было травки с разными украшениями. Ни на клинок степного казака, ни на кубанский клинок он не был похож.

Накануне я подомал свою шапку, купленную случайно у лезгина в лавке. Мой «Осман» далеко не был первоклассным клинком, при покупке мне понравилась скромность серебряной отделки рукоятки и ножен, этим он и привлек мое внимание. Но при первой же рубке, к великому моему изумлению мой «Осман» разлетелся на три части, не выдержав удара по хворостине. Сталь оказалась слишком хрупкой.

Хозяин пояснил, что ружье и шапка принадлежат вдове офицера, внезапно умершего и что вдова сейчас сильно нуждается после смерти мужа.

За ружье я уплатил 175 рублей, за шапку 25 рублей. Прежде чем уплатить деньги я примерил клинок к своим

ножнам и к моему удовольствию, клинок пришелся как раз по ножнам.

По дороге, из магазина Андреева, зашел к лезгину и попросил его немедленно переделать рукоятку новой шашки, снявши для этого с «Османа» все имевшееся серебро. В тот же день он мне передал рукоятку.

Прошло четыре года. Дело происходило накануне Мировой войны. Тогда я служил во 2-ой казачьей сводной дивизии. Происходили обычные маневры. В районе Меджибужья Подольской губернии назначен был дивизионный сбор. Вспоминаются деревни Голосково, Колосково и др. Первая бригада — 16, 17 полки оперировали против 2-ой бригады 2-ой Сводно-Казачьей дивизии кавказских казаков.

В селении, где мы остановились, имелась оружейная лавка, снабжавшая всегда кавказцев.

Начались маневры. Вперед пошла разведка нашей 1-ой бригады. Мы — офицеры зашли в оружейную лавку и начали рассматривать оружие, любоваться живописной отделкой кавказских шашек, прицениваться к ним. Особенно мне понравилась одна шапка, скромная, азиатская отделка, которой обращала на себя внимание. Я спросил у лезгина стоимость:

— Двести пятьдесят рублей — ответил лезгин.

— Что?.. За шапку двести пятьдесят рублей...

— Старинный, венгерский клинок... — Лезгин вынул шапку из ножен, примерил на руке центр удара и пощелкал языком от удовольствия, желая этим отметить высокую ценность шашки.

Был я тогда молодым офицером, в меня вдруг вселился игривый бес — мне захотелось поразить чем-либо специалиста-лезгина; я вынул свой клинок и провел лезвием по старинному венгерскому клинку. Под острием моего клинка свободно сбежала тонкая, стальная стружка.

Признаться — вышло это у меня как-то безотчетно, просто так захотелось что-нибудь выкинуть; результат же получился совсем неожиданный для меня самого. Лезгин, как стоял, так и замер на месте.

— Падажди... Дай посмотреть какой шапка... — Лезгин взял мою шапку, положил на руку, пробуя центр удара. Потом долго и внимательно рассматривал значки, выбитые старинным мастером.

На шапке был изображен полумесяц или подобие челюсти с пятью зубами. Среди зубцев находились четыре точки. Я внимательно следил за лезгином.

На его лице мелькала пренебрежительная улыбка, смешанная с волнующим чувством охотника, нашего редкостную дичь. Но замаскировать пренебрежительной улыбкой, истинные чувства, ему плохо удавалось. Я заметил, как рука лезгина, державшего шапку, мелко дрожала.

— Давай дадаци сто рублей, меняться будем... — предложил лезгин.

— Ты сума сошел... — сказал я.

Не будучи специалистом я почувствовал, что моя шапка представляет какую-то ценность. Но какою, я еще не знал.

Равнодушно вкладывая в ножны, я сказал:

— Нет... Меняться я не хочу.

— Ну продай... Двести рублей даю... Тут я уже поднял нос. Бес гордости окончательно вселился в меня.

— Ну, что ты кунак, ей цены нет... Лезгин начал терять самообладание, все больше и больше выдавая себя. Он совал мне в руки прекрасно отделанный клинок.

— Я тебе даю, патаму, — мне такой самый клинок заказали. Здесь я уже окончательно убедился, что шапка представляет собою какую-то большую ценность. Иначе лезгин, знаток шашек, не стал бы так горячиться. Про себя я уже решил проверить через специалиста своего полка, большого знатока и любителя старинного холодного оружия: что собою представляет моя шапка.

В это время раздалась команда: «Садись!» Я стал выходить из лавки. Лезгином овладел какой-то азарт, точно в него вселилась сотня чертей. Он весь дрожал, потел, голос его стал визгливым от возбуждения.

Я уже сел на коня. Лезгин упорно держался за стремя и произносил одну фразу за другой.

— Постой... Не ходи... — и вдруг, как стон, — хочешь пятьсот... Пятьсот хочешь...?

Когда он сказал «пятьсот», я чуть не слез с лошади, но раздалась команда: «рысью!» На ходу я успел бросить ему.

— Приходи в воскресенье в нашу деревню, принеси венгерский клинок и побольше денег, — тогда договоримся.

Заворачивая за угол, я оглянулся: лезгин растерянно смотрел мне вслед. Я успел ему помахать рукой. Мы завернули за угол.

Полк ушел на маневры. А с маневров — прямо на границу.

Началась великая Мировая война. Не буду описывать всех тех приключений, в результате которых я попал с западного на кавказский фронт. Это заняло бы много времени и отвлекло бы нас от главной темы.

Наша сотня, при взятии Эрзерума, пошла в атаку на курдов. В то время у меня был добрый конь — золотистый дончак. Как курд не уходил от меня, все же мой конь настигал его.

Вот я уже вижу, согнувшуюся спину курда. Курд нахлестывает своего коня, у него такой вид, что он хочет выпрыгнуть из седла.

Знаете ли вы знаменитый баклановский удар? Делается это так: наклоняешься вперед по ходу лошади, правую руку с пашкой отводишь далеко назад. В момент удара мгновенно выпрямляешься и рубишь с потягом по-казацки. Да, это страшный удар, кто умеет им владеть.

Вот каким ударом я угостил курда. Все это делается в какие то секунды. Взмах... Я успел только заметить черные на выкате глаза... В них были смерть и ужас... Мой клинок входит в курда, как нож в масло, — от левого плеча и ниже соска правого плеча.

Тело курда безжизненно свалилось на землю. В полку я был не плохим рубакой, но такого удара и сам не ожидал. Тут только я понял какую силу представляет мой клинок при умелом правильном ударе.

Но все же настоящую ценность моего клинка я узнал за границей.

После гражданской войны, судьба забросила меня в Болгарию. Прошли мы — донцы, ставший уже историческим путем: погрузка в Крым, в Керчи на пароходы с остатками армии Врангеля. Скалистый, безводный, безлесный остров Лемнос, — казацкая тоска, казацкая смерть...

И, наконец, — хлебобобовая, обильная, родственная нам Болгария.

Однажды мне пришлось дежурить по гарнизону. Наши казацки части помещались совместно с болгарскими — в одном дворе.

На плацу болгарские кавалеристы рубили лозу и глину. Но с рубкой у них дело как то не ладилось. Командир эскадрона — болгарский офицер — русский воспитанник, подошел ко мне и попросил показать, как рубят казаки.

Офицер любезно предложил мне выбрать лошадь. Приказав расставить лозу и глину, я сел на коня, сделал заезд и показал, как рубят казаки. В полку я был не плохим рубакой. После рубки майор Петров (фамилия болгарского офицера) попросил показать ему пашку. Она у меня всегда была отточена как бритва. Когда он посмотрел, то сказал:

— Такую пашку я видел у одного офицера Нижегородского драгунского полка. — И сейчас же предлагает — не продадите ли вы ее?

— Нет... Не думаю...

— Я вам хорошо заплачу... В вашем положении это вам поможет...

Он знал на что бить: материальное положение мое было далеко не из блестящих. Но я был неумолим. В конце концов — это было у меня единственное ценное, что я привез из Родины.

Летом 1922 года болгарское правительство решило разоружить все русские части, находящиеся на территории Болгарии.

Наиболее ловкие и смелые начали прятать пулеметы, винтовки под полом казарм, другие выносили к крестьянам и прятали там в хозяйственных постройках.

Жили мы тогда еще в казармах — сообща. Разоружение нас всех сильно подействовало. Один офицер, в знак протеста застрелился. Мы ходили в тяжелом, подавленном состоянии духа. Болгары предупредили, что после разоружения нас всех выселят из казарм.

В казармы был введен вооруженный патруль, который начал отбирать оружие. Офицеры и казаки сносили оружие на середину казармы и клали в кучу. Многие офицеры демонстративно ломали пашки.

Офицер, командовавший патрулем, обратился ко мне:

— А вашей пашки нет...?

— Моя пашка уже продана — ее нет в казармах...

На самом деле пашка находилась в брюках. Нижний конец был всунут в сапог, верхний — головкой подходил под пояс. Я стоял, не двигаясь, чтобы офицер не мог заметить пашку.

Когда болгары забрали оружие, я вышел из казармы и направился к воротам. Часовой спросил:

— Есть оружие?

— Нет... Все сдал...

Пашку немедленно отнес к старому знакомому болгарскому офицеру, руссофилу и моему приятелю, и попросил его спрятать, рассказавши всю историю сдачи оружия.

Он возмущенно сказал по адресу офицера, отбиравшего оружие:

— Паршивая собака... А еще русский воспитанник...

Пашка — единственная моя ценность — сохранилась до моего отъезда во Францию.

Я стал осторожен. Перед отъездом во Францию запаковал мое сокровище с зонтиком и палкой — самыми невинными по виду, вещами.

Так мне удалось провезти ее через все рогатки и препятствия в пути и доставить в Париж. В Париже я показал пашку моему другу — донскому офицеру лейб-гвардии Атаманского полка. Он тщательно осмотрел пашку, попробовал центр удара, рассмотрел знаки так, как может смотреть только большой знаток и любитель оружия. Одним из первых он определил, что это — или безукоризненная подделка Гурды, или это настоящая Гурда.

Мой друг посоветовал свезти ее в Венсенский музей холодного оружия на экспертизу. Я отдал ему пашку. В Венсене точно определили, что это настоящая Гурда. Сожалели, что у них нет сейчас кредитов, чтобы купить ее.

Гурда, как редкий, драгоценный бриллиант, не имела цены по каталогу, — стоимость ее определялась по соглашению. Мой друг все же поинтересовался: сколько же они могли дать?

Заведующий музеем холодного оружия уклонился от точного ответа, сказав примерно: 25 000 франков, а на любителя и больше.

Теперь я точно знаю: моя пашка настоящая Гурда. Изначительное творение какого то мастера, повидимому с востока.

Если в музыкальном мире — лучшие скрипки, это скрипки Гварнеги, Амати, Страдиварнуса, то в области холодного оружия известны кинжалы и пашки Гурды и Волчок, которые не имеют себе равных в мире.

С тех пор, как я убедился, что моя пашка настоящая Гурда, я перечитал многие энциклопедические словари, читал все, что относилось к слову Волчок и Гурда, я спрашивал многих кавказцев: казаков и горцев — больших знатоков и любителей холодного оружия — говорил с ними о Гурде, о Волчке... Наиболее точные сведения собрал о Волчке, — о Гурде все же не нашел единого мнения, — говорят по всякому...

Клинки Волчки переделаны из старинных золлингенских немецких мечей, оставленных во времена крестовых походов на Кавказе, крестоносцами Генриха Монморанси. На них было клеймо «Н. М.» Были заколдованные Волчки — Терс-Маймун с изображением бегущего волка, отсюда и название клинков Волчок. Клинок у них прямой и легкий, с прекрасным отвесом.

Другие знаменитые клинки — Гурда. Гурда по-татарски — «берегись!» Автор одной из статей говорит, что Гурда — клинки тяжелые, генуэзской работы, переточенные на Кавказе.

Я говорил с несколькими офицерами кубанцами, терцами, обычно у нас казаков — терцы, кубанцы являются большими знатоками оружия. Они говорят так же по разному о Гурде.

Пашки Гурды изготовлялись на Кавказе одним неизвестным мастером-горцем, кажется, лезгином. Выпущено всего несколько десятков штук, вот почему их так трудно достать.

Секрет изготовления, так же как и секрет изготовления скрипок Амати, Гварнеги, Страдиварнуса, остался неизвестен. Поэтому эти пашки так высоко ценились. По виду — сталь темная. Имеет как будто следы раковин. По длине немного короче наших златоустовских клинков. Была масса подделок под Гурду, но настоящих знатоков было очень мало. Ей можно было свободно рубить гвозди, никаких следов на лезвие не оставалось. К ней по закалке подходили большие кинжалы «Бузулай». Таким кинжалом можно было легко рубить проволоку на семафорах и гвозди. Для рубки Гурда была очень удобная, благодаря правильному расположению отвеса и центра удара.

Другой говорил совсем другое.

Гурда носит название по имени мастера. Выделялась в Дамаске. Для этого случая бралась проволока. Пучок проволоки накаливался и сковывался вместе. Какой обработке подвергался этот пучок, до сих пор осталось неизвестным. Обух пашки был пустотелый и в его пустотелое пространство вводили горошинки из свинца или олова. Причем пустотелость в Гурде шла до центра удара, дальше шел уже

сплошной клинок. Клинок этот оттачивался кустарным способом, а не отковывался, чтобы неумелой закалкой не нарушить крепость стали. Гурду можно было согнуть, хоть и не без труда. И все же она легко принимала первоначальное положение.

Сила удара была такова, что всадник разрубался от плеча до локтя, правда, удар должен быть нанесен умелым и сильным человеком. Сопротивление было настолько крепким, что после удара по гвоздю в 2 см. на шашке не оставалось никаких зарубин. Гвоздь после удара имел чистый срез, словно это было не железо, а алюминий или олово.

Встретить Гурду у частного человека, почти не возможно, а можно только в музее или окрестностях Дамаска. И даже в музее иногда встречается подделка. В Москве в Русском Историческом музее была Гурда, на которой был знак, где вместо обычных пяти было шесть зубцов.

Внешний вид: очень гладкая, светлая поверхность с темными раковинами, такие раковины встречаются на ржавом кухонном ноже, когда его отчистишь наждаком. Клинок короче и уже златоустовского. Довольно легкий. Кривизна чуть круче кубанской шашки. Конец клинка отточен с двух сторон примерно на 2-3 см. для укола. На каждой стороне имеется по одному широкому продольному пазу для стекания крови. Последние сведения о Гурде, рассказанные стариком черкесом, большим любителем оружия, из аула Тахтамукай в 1918 году.

Как видите: данные о Гурде самые разнообразные. По одной версии Гурда — генозской работы, по другой — сделана в Дамаске, который в середине века славился выделкой замечательных клинков исключительной крепости. Третья версия: Гурда — чудесное творение неизвестного кавказского мастера, унесшего в могилу секрет изготовления шашки.

Я лично больше присоединяюсь к последней версии. От большинства любителей и знатоков я слышал именно этот вариант.

Среди казаков, горцев и старых кавалеристов, знатоков холодного оружия про шашку Гурда ходят легенды и анекдоты. Рассказывают, что ею ловкий рубака может перерубить пополам свернутую бурку, живого барана, даже рубили на скаку всадника до седла.

Шашек Гурда в мире так же мало, как и скрипок Страдиварнуса. Гурду также трудно найти, как и голубой бриллиант.

Нашедший Гурду, считается счастливецом.

Ему завидуют его друзья, знатоки наперебой соблазняют большой ценой, уговаривая продать. Такую шашку всегда надо беречь, так как фанатичный любитель Гурды может ее выкрасть. Обычно Гурда переходит из поколения в поколение и редко когда попадает в лавку антиквара или восточного продавца оружия. Цена ее зависит от страсти покупателя. Чем выше страсть, тем выше цена.

В 1920 году осенью мы покинули Крым. Вот уже 25 лет, как я покинул Тихий Дон, родные донские степи.

Иногда мне вспоминаются багрово-розовые краски заката над дальними курганами, журавли над колодцами и равнины моего родного хутора.

И как связь с далеким, родным миром — моя старая подруга Гурда. Как поется в старинной казачьей песне: «О жене я вспоминаю — на винтовку посмотрю»... Она всегда висит у меня над постелью на небольшом персидском коврике, имеющем тоже свою историю, как и Гурда. Какнибудь я расскажу историю и этого коврика.

Я встаю утром. И всегда мой первый взгляд на Гурду и коврик, две единственных ценности, других я не имею, да и иметь не хочу в моей скитальческой жизни.

Я уже не молод, но силы пока есть. Моя старая подруга еще послужит мне.

Летние сумерки. Я сижу в хорватской хате один, не зажигая огня.

Вечером пришел приказ командира полка: «Дивизионом занять хорватское село, расположенное в 12 км. Если встре-

Песня о шашке

Блеском стали голубую
В темной дымке серебра
Эту шашку дорогую
Мать старуха сберегла.
«Взят клинок был под Азовом
У бунчужного паши
Твоим пращуром суровым.
На помин его души
Бейся ясный мой соколик
Честь казачью храня,
И в горах и в чистом поле
За родимые края».
И когда настало время
Оседлал казак коня
Поддержала женка стремя:
«Милый, помни про меня!»
«Не забуду я родная
Про любимую свою,
Но сейчас жена другая
Мне нужна в лихом бою.
Шашка верная подруга
И защита казака,
Мне желанней нету друга
Против вражьего клинка.
А когда промчатся битвы,
Отгремит гроза войны —
Благодарственной молитвой
Будут все сердца полны.
Подрастающему сыну
Я отдам тогда клинок:
«Помни милый про отчизну,
Помни милый — с нами Бог!»

Андрей Ф.

тятся партизаны — выбить». Вчера это село было занято партизанами Тито.

С ближайших дворов доносится сдержанный говор казаков, фыркание лошадей, звяканье стремени о стремя, сердитые окрики: «А ну, не балуй!».

Стук в дверь. Входит мой помощник — донец Силкин. Он бывший советский старший лейтенант. Я — эмигрант. Но мы оба казаки. Этого достаточно.

Сотник Силкин звякает шпорами. В сумраке я чувствую его крепкую фигуру, как всегда, бодрый, уверенный голос.

— Господин полковник, сотни выстроены. Ваша лошадь оседлана...».

Надеваю Гурду, беру автомат. Все заранее готово. На улице отдаю командирам последнее распоряжение. Сотни вытягиваются, по пыльной дороге, за околицу.

По бокам тянутся заросли кукурузы, кусты. Дозоры взяли направление на хорватскую деревню. В стороне слышен шорох — там тоже идут боковые дозоры.

Ночь. Балканы. Лишь звезды освещают нам путь.

Наша дорога уходит в горы — вперед...

Александр Яганов

В следующем номере журнала будут помещены продолжения: «Исторических очерков Дона» — П. Н. КРАСНОВА; «Мы куем кадры» — В. НИКОНОВА и «В первой казачьей» — А. ЯГАНОВА.

Открытие первого казачьего юнкерского училища

6 декабря пр. года, в день полкового праздника старейшего постоянного полка Донского войска — Атаманского полка, состоялось открытие на Казачьей земле 1-го Юнкерского казачьего училища.

Туманное утро итальянской осени. Вокруг горы. Во дворе училища — стройные шеренги молодых людей. У всех приподнятое и взволнованное настроение.

Прибыл Походный Атаман, полковник Т. И. Доманов*).

Среди гостей — Начальник Штаба Главного Управления Казачьих Войск генерал-майор С. Н. Краснов и офицеры СС. Оркестр играет встречный марш. Юнкера берут на караул. В ответ на приветствие Атамана стройно звучит мощное «Здравья желаем, господин Атаман».

Четыре священника в полных парадных облачениях служат молебен, после которого Атаман обратился к юнкерам со следующими словами:

«Господа офицеры и казаки! Вглядываясь в ваши шеренги, я узнаю много знакомых лиц. Я узнаю тех, кто

1-ое казачье юнкерское училище

был со мной в окружении. Помните ли вы, что я вам тогда обещал? Когда было так тяжело, я говорил — не падайте духом, выйдем из окружения и вы будете юнкерами, будете офицерами.

С большим чувством удовлетворения могу сказать, что свое слово я сдержал.

Для нас не секрет, что мы пережили за 25 лет — одни у себя на родине, другие в изгнании, за границей.

Я — офицер, но при большевиках мне ни разу не пришлось увидеть себя хотя бы во сне в своих собственных погонах.

Но пришла немецкая армия. Старых казачьих офицеров восстановили в их правах. Но не только это. Мы имеем свои полки, свои дивизии. Мы нуждаемся теперь в новых силах; в новых кадровых офицерах. И наша союзница Германия помогает нам в этом. Сегодня мы празднуем день открытия юнкерского училища».

Окинув взглядом юнкеров, Атаман заметил на фланге юнкера громадного роста. У Атамана хорошая зрительная память. Он вспомнил одну неприятную историю, когда этого донца кто-то как-то обозвал «советским лейтенантом», в ответ на что обиженный подал об этом Атаману рапорт.

... «Начатое нами дело велико, — продолжал Атаман. — У нас будут свои офицеры. И никто тогда не посмеет упрекнуть молодого офицера пренебрежительными словами: «советский лейтенант».

В это время внимание Атамана привлек другой коре-

*) К выходу этого номера стало известно, что полковник Т. И. Доманов произведен в генерал-майоры.

настый, широкоплечий казак, произведенный за боевые отличия в подхорунжие. Он и его помнит:

«Мы гордимся офицерами, произведенными в этот чин за боевые заслуги. Но всякое геройство ценно тогда, когда оно разумно. Проявить геройство лично самому — это одно, а повести в бой казаков так, чтобы каждый из них был героем — это уже труднее. Этому искусству нужно учиться. Для этого нужны систематические знания. Я уверен, юнкера, что вы будете живым примером для тех, кто отстал в военных знаниях.

Господа офицеры, генералы и полковники! Вспомните, что и вы когда-то переступали порог военного училища, прежде чем сделаться генералами и полковниками. Я это говорю для того, чтобы стоящие здесь в строю юнкера знали, что у них широкая дорога.

Казаки! От души и чистого сердца поздравляю вас со званием — юнкер».

После слова Походного Атамана, генерал-майор С. Н. Краснов огласил проникновенные строки письма к юнкерам старого казака, Начальника Главного Управления Казачьих Войск, генерала от кавалерии П. Н. Краснова:

Казаки-юнкера!

Приветствую вас из своего далека и поздравляю с поступлением в Первое Казачье Юнкерское училище! Вы должны здесь не только изучить военные науки и из техников военного дела стать его мастерами, но должны приобрести такую любовь к военному искусству, чтобы после, офицерами, совершенствовать свои знания и самим двигать вперед военное дело. Ибо век живи — век учишься.

Казакам нужно думать о будущем. И в этом будущем — вам юнкера-казаки, будущие казачьи офицеры — будет большое и первое место. Казачьи войска возрождаются. В прошлом они жили, считанных и посвидетельствованных историей пять веков, а не считанных и того больше... И снова будут стоять века и века. Им нужны воспитанные и хорошо образованные офицеры.

Тяжелый, жуткий, кровавый, жидовский большевизм будет сброшен Германией и ее союзниками, как кошмарный сон. Война окончится — ... **Все проходит.** Пройдет и то ужасное время, когда враги казачества вас гнали, а ваших отцов и матерей расстреливали и тонули по тюрьмам и каторжным работам. Будет время мирного строительства. Буйного роста казачьих войск. В эту пору вам, будущим казачьим офицерам, воспитанникам сегодня открытого училища будет большая и ответственная работа. Вам придется стать начальниками. Командовать... Приказывать... Так запомните: — только тот имеет право приказывать, кто умеет повиноваться. Вы должны воспитать себя в самой суровой казачьей дисциплине.

Перед вами длинный жизненный путь казачьего офицера. Нелегкий путь — ибо тяжела доля война-казака. Закалите себя воспитанием для этого пути. Для вас ничего не должно быть невозможного. Кто готов в любой миг поставить на карту жизнь — есть ли для того что-либо невозможное?

Учитесь... Воспитывайте себя и друг друга... Приучайте себя к чистоте физической, порядку жизненному и порядочности духовной.

Друг другу будьте верными и доброжелательными, без зависти, ревности и злобы товарищами.

Своим офицерам — дисциплинированными, послушными казаками.

Учителям и наставникам примерными, внимательными и усердными учениками.

Вы — краса будущих наших казачьих полков и батарей: вам нужно стать такими, чтобы на вас указывали наши немецкий и русский союзники, как на образец офицерской чести и порядочности.

Вдумайтесь в то, что я вам говорю через Начальника Штаба Главного Управления Казачьих Войск Генерал-майора Краснова:

— Ни сквернословия... ни панибратства... Ни неряшливости в одежде... ни распушенности... ни пьянства в вашей среде быть не может и быть не должно. Сами следите друг за другом и останавливайте ослабевших товарищей. Не терпите в своей среде доносчиков, ябед, сутяг, клеветников, пролаз, подлиз, подхалимов, но поднимитесь на подлинную высоту офицерской чести! Не чваньтесь своим званием и чином, но несите его со скромным достоинством!

В офицерской жизни вашей да руководит вами в часы колебаний и сомнений: — ВЕРА И ВЕРНОСТЬ.

Истинная, нелицемерная вера в Бога.

Витязь русского воинства, непобедимый и непобежденный Суворов, столь близко сроднившийся с казаками, что и сам ставший как бы казаком поучал казаков и солдат:

— Безверное войско учить, что железо перегорелое точить.

— Всякое дело начинай с благословения Божьего!

Народная мудрость добавила:—«без Бога не до порога»
Верность присяге... Верность офицерскому слову. Никакой лжи, никакого лукавства. Офицерское казачье слово крепче всего.

Верность Германии и немецкому народу, принявшим нас и давшим нам возможность возрождения.

Юнкера-казаки! Вам говорю я, старый казак пятьдесят пять лет носящий офицерский чин: прошедший от солдата пехоты — до атамана Всевеликого Войска Донского. Желая вам идти по такому же пути службы под казачьими штандартами и знаменами, по которому прошел я, выше всего почитая любовь к вскормившему и воспитавшему меня Тихому Дону.

Да поможет вам в этом Господь Бог!

Господа офицеры постоянного состава.

Перед вами молодежь... Это воск, из которого можно лепить все, что захотите.

Вспомните ваши молодые школьные и юнкерские годы... С терпением, с сердечным вниманием отнеситесь к передаваемым вам отцами, матерями и полками молодым юнкерам и вылепите из них стойких, мужественных, храбрых и преисполненных благородства и офицерского достоинства лихих казаков — начальников».

С напряженным вниманием радостно вслушивались молодые юнкера в благородные и мужественные слова Ка-

Юнкера на молебне

зачьего Вождя, во время блестящего атаманства которого на Дону, казачество вплело новые лавры в венок своей многовековой славы.

По прочтению письма, в честь прославленного генерала и в честь Начальника его Штаба юнкера дружно крикнули трехкратное «ура», после чего генерал С. Н. Краснов обратился к Походному Атаману:

«Атаман, разреши от имени Начальника Главного Управления казачьих Войск генерала П. Н. Краснова и от моего имени, как человеку близко к нему стоящему, поблагодарить тебя за проявленную тобою заботу в деле организации юнкерского училища».

Торжество закончилось речью Начальника училища ген. шт. генерал-майора Саломехина. Речь генерала была коротка и зажигательна:

«Здравствуйте, орлята! Далеко залетели вы — на вершины северных Альп. Высоки Альпы... Да, не видно отсюда наших родных рек: Дона, Кубани и Терека. Выше головы, орлята. На Родину вернемся офицерами!»

Кажется, только и всего сказал начальник школы. Но юнкера узнали сердцем, что говорил генерал, который любит молодых. И юнкера полюбили его с этой первой речи — генерал назвал их таким ласковым именем, которое им самим понравилось своей суровой нежностью — «орлята».

Фаланга

Рассказ

Огромные колеса арбы, скрипя, медленно катились вдоль дороги, одно по колею, другое по рубчатому следу гусениц траншейного экскаватора. Булавин, агроном, шел рядом, обветренное лицо его, жмурясь от низкого еще солнца, складывалось в привычные морщины. Ботаник Илья Арвидович сидел на арбе, как в канцелярии — на стуле, за столом, перед разложенным планом участка. Ирочка свесила ноги в козловых сапогах (отец ни за что не пускал ее в степь в туфлях, боясь ядовитых гадов) к лошадиному хвосту и сидела согнувшись, чтобы не стукаться головой о край стола. Перед ней двигалась и покачивалась серая рубашка Савватия, по узбекски скорчившегося на бурой лошадке между толстыми кривыми оглоблями.

— Стоп, — негромко сказал ботаник, и Савватий потянул узду. Лошадка сразу остановилась, оглобли с хомутом проехали еще полшага и задралась ей на шею. Девочка ткнулась коленями в теплый круп и засмеялась.

Ну, Савватий, докладывай, — лениво сказал Илья Арвидович, прикидывая на карандаш размеры резко очерченных ареалов — пятен различных растительных сообществ.

Степь цвела, и все ее травы заявляли о себе характерной окраской. Здесь пятно до невозможности красного мака, там — шафранно-желтый коврик тюльпанов, голубоватая полынь, матово-зеленая верблюжья колючка, серенькие колоски овсеца, пышно раскинувшиеся по земле яркие листья перекати-

поля, от которых к осени ничего не останется, кроме шарика тонких, цепких сухих прутиков на ножке. Ветер сломит ее и покатится шарик по полю, сцепится с другими, пойдет перепрыгивать большой грустный, осенний шар...

Илье Арвидовичу и Савватию мало было дела до будущей осени. Ботаник наносил на план контуры, а парень, встав на оглоблю, по латыни называл ему растения.

— *Artemisia maritima**, там с краю, а вон энтот язык — *Alhagi caramorum*.

— *Camelorum, camelorum***), — так же лениво поправил ботаник. — Ну, езжай дальше.

— Постойте, я слезу, — сказала Ирочка.

По оглобле и по неровным спицам допотопного колеса она спустилась на землю, отряхнула пыль с длинных, тоненьких пальцев, поправила белую панамку на коротко стриженной голове и пошла рядом с Булавиным, двигая плечами и вытягивая шею, подобранной походочкой знатной иностранки, решившей осчастливить своим присутствием степных дикарей. Бог знает, какой идеал видела она перед собой, — по меньшей мере, Любовь Орлову в «Цирке». Агроном поглядывал на нее из-под грязного козырька полотняной фуражки и улыбался про себя. У него у самого была полувзрослая дочь,

*) Одна из разновидностей полыни.

***) Верблюжья колючка.

и он отлично понимал эти девичьи фокусы, понимал и то, кому они назначались: не ему и не Савватию, а Мартинсону с его римским носом и роговыми очками.

Ирочка хотела спросить о ботанике, но она почуяла легкую насмешку в ласковой улыбке Булавина и немедленно замаскировалась.

— Что, этот мальчик у вас служит? — спросила она.

— Так, наполовину служит, наполовину учится. Вы с ним поближе познакомьтесь, Ирочка, он у нас парнишка хороший, много повидал, вам интересно будет.

— Ну да! Он и говорить то не умеет: энтот, туды...

— Эх, барышня! — перебил с упреком Булавин, хотел еще что-то прибавить, но передумал и замолчал.

Ирочка тоже осеклась. Мартинсон окликнул ее.

— Ну, маленькая москвичка, как вам нравится среднеазиатская степь?

— Совсем не нравится, — от души ответила Ирочка; — что это, пусто, гладко кругом, и посмотреть не на что.

— Погодите, привыкнете, уезжать не захочется. Что ваша Москва? Ни фруктов, ни ягод, ни солнца. А здесь как пропеет вас хорошенько, да как пойдет неделя через две клубника, а там урюк, черешня, а там яблоки, дыни, персики — что тогда скажете?

— Все это и в Москве есть, — с достоинством возразила Ирочка. Ей не понравилось, что ей, как маленькой, говорят о сладостях.

— Да, в витрине Гастронома, — холодно промолвил Мартинсон.

Ах, витрины Гастронома на освещенном Арбате, трамвай, метро, асфальтовый разлив Садовой, серебряный мост к Парку культуры и отдыха, подруги, школа... Девочка затронула свое больное место и замедлила шаг, отставая.

Арба проехала с полкилометра и снова стала. Мартинсон позвал агронома.

— Смотрите, Семен Васильевич, в прошлом году здесь только и было, что *Alhagi a Salsola crassa**, а теперь целый ареал мака.

— Действует промывка-то, — радостно сказал Булавин.

Ничего не понимавшей девочке совестно было спросить объяснений: дочери заведующего работами на опытном участке следовало бы быть хоть сколько-нибудь в курсе дела. Как часто отец пытался заинтересовать ее, мечтая сделать из нее гидрогеолога и передать ей свои работы, свою библиотеку. Но дочь хотела учиться рисованию, равнодушно отворачивалась и не слушала. Теперь в первый раз сухая материя отцовских работ оживала перед ней.

После следующей остановки Савватий прыгнул на землю и пошел, ведя лошадь под уздцы с кистями из ремешков и нанизанных ракушек. Ирочка сначала поджала губки, считая диковатого парня сросшимися бровями неподходящей для себя компанией. Но Булавин сел на арбу, Мартинсон подремывал на своей вышке, а молчать было скучно, да и надо было понять, в чем смысл сегодняшней ботанической экскурсии. Она думала собирать растения, а тут рисуют какие-то ареалы.

К ее удивлению, Савватий толково и ясно рассказал ей, в чем дело. Грунты этого района были довольно сильно засолены, на них росли одни солянки, колючки — эта самая *Alhagi* — да камыш. В прошлом году на участке были заложены первые линии дренажа, назначение которого — отводить грунтовую воду. Зимой весь участок был залит водой из ближней оросительной системы, грунты промыты, и теперь это сказывается на растениях: к солянкам примешиваются другие виды, не столь выносливые по отношению к солям.

— Вот спасибо, — искренно сказала Ирочка, — теперь я понимаю, а то как в лесу была. Как вы хорошо объясняете, сразу видно, что студент, — прибавила она.

Савватий усмехнулся.

— Какой я студент! Так, от Семена Васильевича кой-чего понахватался. Или вам не говорили, кто я? И то, за два дня вам с папашей верно было о чем поинтереснее разговаривать.

Ирочка с наивным изумлением уперлась глазами в парня, почуяв что-то непривычное в таком обыкновенном с первого взгляда, чистеньком Савватию, в котором точно пружина какая-то была заложена, так отчетливы были все его движения, его дельная, хоть и не всегда правильная речь. Тот заметил и понял ее взгляд и снова усмехнулся.

Новые остановки, снова медленная езда по целине. След гусениц давно ушел вправо, туда, где чернелась тонкая стрела экскаватора и копошились маленькие человечки. Впереди, неопределенно далеко, замыкал горизонт какой-то длинный, неровный вал. Огромное, дрожащее жаворожками небо, огром-

*) Одна из солянок.

ная степь, крошечный движущийся островок, точно оторвавшийся от далекого человеческого мира и заплывший сюда, в эту безграничность света, воздуха и спешного весеннего движения.

Ирочка несколько раз уходила в сторону от арбы, видела медлительных, тяжелых черепах, плывших по суку, как по морю, загибая косо поставленными лапами и волоча по земле костяное брюхо, точно плоскодонку на мели; потрогала узеньким носком сапога ежика — он сейчас же втянул умную старческую мордочку и свернулся коричнево-серым колючим комочком. Потом она спугнула длинную и толстую змею. Та с удивительной быстротой пустилась наутек, видимо, твердо зная дорогу. Ирочка пошла за ней. Змея неслась все быстрее, почти не извиваясь, и стрелой юркнула в норку, должно быть, очень тесную, потому что она в несколько приемов проталкивала туда напряженное тело. Девочка еще постояла над норкой, думая, что змея выглянет, втайне побаиваясь — а вдруг ядовитая? — и впервые бессознательно ощущая прелесть степи.

Догоняя проехавшую вперед арбу, она увидела, что слева косо приближается прямая серо-голубая полоска. Скоро она распознала в ней асфальтированную канавку. Асфальт тускло поблескивал под высоко стоящим в небе солнцем. Наступал полдень, что-то неуловимо изменилось в воздухе, уже не таком хрустально-ясном, точно слегка замглившемся. Легкая весенняя жара жгла щеки. Ирочка посмотрела на часы на руке и удивилась, что скоро двенадцать. С остановившейся арбы слез Мартинсон.

— Ирочка, обедать! — донесся голос агронома.

Булавин сидел на земле в короткой, негустой тени арбы и разворачивал газетную бумагу. Голодный Савватий смиренно сидел рядом и глядел ему на руки. Ирочка, ощущая волчий голод, тоже села на землю и таким же детским взглядом следила за медленными, некрасивыми руками агронома. Вместо ожидаемых бутербродов и пирожков на свет появился смятый белый хлеб, три сероватые азиатские лепешки и несколько крупных, сочных, сладковатых луковиц. Все это было уповательно вкусно.

— Теперь спать, — сказал Мартинсон, разостлал между колесами арбы брезентовый плащ и улегся. — Идите-ка сюда, барышня, места хватит.

Она, улыбаясь, расправлял плащ и устраивал второе изголовье. Ирочка молча посмотрела в его красивое, загорелое лицо и точно услышала тихий внутренний голос: «Не надо».

— Спасибо, я не хочу спать, — ответила она.

— Напрасно, напрасно, — нараспев сказал ботаник и лег на спину, закуривая.

Тонкая струйка холода прошла между ними. Девочка встала с земли и пошла в степь, к канавке, притягивавшей ее своей строгой прямолинейностью. Ровные откосы, под одинаковым углом смыкающиеся с дном, говорили о человеческом труде, об организующей мысли среди этой первобытной, неоформленной природы. Шагов через двести от канавки отделялась другая, на стыке стояло серое бетонное сооружение. Ирочка дошла до него и увидела маленький шлюз. Она уселась на теплый бетон и не то замечталась, не то задремала, так что не услышала, как подошел Савватий.

— Ирочка, вы бы поосторожнее, — сказал он виолголоса.

Она вздрогнула.

— Фу, испугал. Откуда вы взялись?

— Я тихо подошел и гляжу — вы дремлете, а возле вас эта дрянь сидит.

К ужасу своему, Ирочка увидела в каком-нибудь метре расстояния рыже-желтую тварь, что-то среднее между раком и пауком, с ладонь величиной. Отвратительные, коленчатые, поросшие на концах коричневатым волосом ноги были подкорчены, как у паука, выпуклые рачьи глаза тихо поворачивались. Девочку как ветром сдуло с сооружения к Савватию.

— Что это такое?

— Да не бойтесь вы так, не съест. Это фаланга!

— Фаланга? Ой, какой ужас!

Она не заметила, что вцепилась парню в рукав. Все, что ей приходилось читать и слышать об ядовитых азиатских пауках, в беспорядке всплывало у нее в голове. Парализованная страхом, она не в силах была оторвать глаз от фаланги. А та грелась себе на горячем солнце, как бы не замечая людей. Но цепкие ноги начинали уже осторожно шевелиться, круглое тело медленно поворачивалось головой туда, где была опасность.

— Уйдем поскорее, — шепнула девочка.

— Погодите, поглядим, что она делать будет.

— Ну ее, еще бросится.

— А вы что думаете? Она вправду бросается, если ее тронуть. Вот, глядите-ка.

Он шагнул вперед. Ирочка вскрикнула не своим голосом.

— Савватий, не смей!

— Да я не рукой, у меня кнут.

Ирочка, раскрыв рот и притиснув подбородок к сжатым рукам, смотрела, как мальчик трогал фалангу кончиком кнута. Та мгновенно перевернула положение, приподнялась на задних ногах и вцепилась передними в кнотовище. Савватий отдернул его, фаланга боком-боком подползла снова, опять встала на дыбы и водила в воздухе страшными клешнями, ища мгновения, когда можно будет схватить ускользающего врага. На этот раз она повисла прочно, и Ирочка почувствовала, что Савватий испугался. Она сдержала крик и перевела дух только тогда, когда он сильно встряхнул кнут, фаланга отцепилась и полетела на дно распределителя. Она упала на спину и лежала, злобно и бессильно двигая и дергая ногами и шевеля волосатыми челюстями. Савватий торжествующе-весело обернулся к девочке и увидел, что она бледна и слезы стоят у нее в глазах.

— Чего ты? — спросил он, забывая церемонное «вы».

— Ты какой-то ненормальный, честное слово, — тоже на «ты» ответила она. — Ведь она же ядовитая!

— А вот насчет этого еще и неизвестно, — важно возразил булавиный ученик. — Одни думают, у ней свой яд, а другие — что у нее на шерсти трупный яд остается. Она ведь падаль жрет.

— Какой ученый, подумаешь, — со слезами в голосе говорила девочка. — Нашел время лекцию читать!

— Да разве ж я лекцию?..

— Дурак! — и она заплакала.

Он потерянно смотрел на нее, понимая только одно: все, что он делал, было некстати. Парнишка очень плохо знал еще женское сердце.

— Как она по палке поползла! Ты тоже испугался, я же видела, — всхлипывала Ирочка. — Если бы она еще полезла, что бы ты стал делать, а?

— Ну, бросил бы кнут и с ней вместе, вот и все.

Девочка вдруг рассмеялась.

— Ах ты, герой несчастный! Бросил бы кнут! Было бы тебе от Семена Васильевича и за кнут, и за фалангу.

— Ничего бы не было, — уверенно возразил Савватий. — Он свой, понимает.

«А Мартинсен», — хотела спросить Ирочка, но опять тихий внутренний голос помешал ей. Савватий сам сказал:

— Вот этот ботаник, Аспидович, это птица залетная, с ним ухо остро. Эх, как он с тобой за Ташкент против Москвы разорился! А сам только и думает поскорее кончить да в Россию смыться.

Они потихоньку пошли вдоль распределителя к далеко тающей в полуденном зное маленькой арбе.

— Мне тоже хочется поскорее домой, — сказала Ирочка. — Здесь так странно все, скучно, фаланги, скорпионы... Ну их! Не нравятся мне эта степь. А тебе?

— Мне? — как то особенно медленно протянул Савватий. — Нет, мне ничего. Мне... она мне родину напоминает. У нас там тоже степь, сколько глаз кругом хватят, все степь. Да.

— Где это?

— На Кубани.

Он замолчал, точно оторвал. Ирочка почувствовала что-то особенное в его приглушенном голосе.

— Ты бы нашу Москву посмотрел, — сказала она.

— Знаю, бывал, — равнодушно молвил Савватий.

— Бывал?

И Ирочка, думая, что нашла сочувствующую душу, пустилась рассказывать о Москве, о школьной олимпиаде искусств, на которой ее рисунки и акварели попали на довольно почетное место, о лыжных вылазках в Мамонтовку, о театрах, обо всей блестящей казовой стороне столичной жизни, которую только и знала избалованная единственная дочь хорошо зарабатывающего инженера. Савватий слушал и хмурился.

— А знаешь, прошлым летом, на спортивном параде, я Сталина видела. Я в теннисной группе вторая справа шла, с ракеткой, знаешь, а он нам рукой помахал.

— На спортивном параде? Видел я вас всех, только рукой не помахал. Мне самому мильтон ручкой сделал и сгреб.

— Как это? — Ирочка остановилась.

— А очень даже просто. Не порти, значит, картину. Там как раз дядька в кепке козырьком назад кино накручивал, я понтересовался, да и зазевался. Пришлось в Ярославль прокатиться.

— Зачем в Ярославль?

— А там распределитель для таких деток, которые без ракеток, для беспризорников.

Горькое слово камешком упало девочке в душу и осталось лежать, холодное и тяжелое.

— Как же ты сюда попал? — робко спросила она.

— Сбежал, как дальше повезло, — просто ответил мальчик. — Ночью охрана заснула, я и выскочил из вагона.

— На ходу?

— На малом, поезд только от станции отходил. Ну, покрутился, туда-сюда, а дело к зиме, не к лету. Давай на юг. В Тифлисе я уже бывал, там наших ребят слишком много. Попробую, думаю. Ташкент. А тут на Семена Васильевича наткнулся, или он на меня. Ну, он молодец. Докладов не читает, не допрашивает, а работу дал, и учит. И жена у него хорошая... А ты отчего не в школе?

Ирочка вспыхнула, это-то и было ее большое место.

— Я проболела два месяца, с самого нового года, а теперь не догнать. Я... мне приходится на второй год оставаться.

Она не хотела сказать, что и без того ее ученье шло не слишком блестяще, что за кружками и вылазками не оставалось времени готовить уроки, что догнать пропущенное было бы, в сущности, возможно, но лень, что даже отец был ей недоволен и увез ее в степь от избытка московских развлечений, и что болезнь спасла ее, может быть, от позорного провала на переходных экзаменах. Савватий раздумчиво покачал головой.

— То-то ты стриженная, — заметил он и сказал после паузы: — мне бы в школу, в какую ни на есть, да диплом бы какой-нибудь!.. Эх!.. Ну, ничего, может, с осени поступлю, Булавины документы подстригает, так примут.

Т. Левшина.

(Окончание в следующем номере).

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Слава в вышних Богу... — статья П. Н. Краснова

Под Новый Год — рассказ Евгения Тарусского

В праздник Рождества Христова — отрывок из романа «Вольная Кубань» Ф. Печорина

Гурда (рассказ казачьего офицера) — А. Яганов

Песня о шашке — стихотворение Андрея Ф.

Открытие Первого Казачьего Юнкерского Училища

Фаланга — рассказ Татьяны Левшиной

Обложка журнала и рисунки к рассказу «Под Новый Год» — художника В. Д. Ткачева. — Фотографии, помещенные на страницах 3-й и 9-й получены редакцией из Донского Казачьего Архива в Праге. — Клише «Цепи

Степана Разина» предоставлены нам П. Н. Краснодым.